

Сказка о смелом Алёше Поповиче

Основано на издании 1889 г

Автор адаптации: Ольга Комарова

Данный текст, а также оригинал сказки доступны для просмотра по следующему адресу:

gusi-lebedi.org/content/skazka-o-smelom-alyeshe-popoviche/

Друзья! Мы вкладываем в наш сайт свою душу и огромное количество времени. Поэтому мы будем рады, если вы сохраните все ссылки в документе, а также расскажете о нас своим друзьям.

Команда gusi-lebedi.org

Сказка о смелом Алёше Поповиче

В славном городе Ростове, на широком просторе родился у соборного попа сын, и назвали его при крещении Алексеем. Рос ребёнок не по дням, а по часам – никто и не заметил, как младенец в мальчишку превратился, а затем в отрока. И не стало никому от парнишки того покоя: то он с другими ребятами подерётся, то свалится откуда-нибудь да расшибётся. С малолетства Алёша всех своей смелостью удивлял: казалось, что на всем белом свете нет ничего такого, чего бы поповский сын боялся. То он на необъезженного коня заберётся и скачет на нём по лесам да по полям, как ни в чём не бывало. То в бурю уйдёт один-одинёшенек на озеро, в челнок одновёсельный усядется да плывёт себе без всякого страха. То вызовется через реку широкую перемахнуть да на ходу ещё и ныряет – жемчуг собирает. А бывает, уйдёт в дремучий бор и три дня там безвылазно пропадает, силки да ловушки расставляет.

Как настало время, отдал отец сыночка в школу – и ученье отроку в прок пошло. В два счёта он грамоте обучился да все церковные книги перечитал. Вот подрос Алёша, стал юношей справным. Задумал тогда батюшка его к церковному чину пристроить, а потом приход наследнику своему передать. Говорит поп однажды:

— С завтрашнего дня я тебя звонарём назначаю: наш-то пономарь стар становится, трудно ему на колокольню лазать да в колокола бить. Вот ты вместо него на звонницу забирайся да объявляй о заутрене, обедне и вечерне.

— Слушаюсь, батюшка! – отвечает Алёша кротко.

Чуть свет полез паренёк на колокольню. Начал звонить да силы не рассчитал – все верёвки пооборвал. Привязали новые, крепче прежних, а поповский сын все языки колокольные вырвал. Починили их, да так начал молодой звонарь усердствовать, что у двух колоколов бока выбил. Видит отец, что не годится его сынок в звонари – слишком уж дюж. Дал он тогда наследнику другое задание:

— Ну что ж, коли к пономарству ты не пригоден, иди пению церковному учиться. Как познаешь ту науку, я тебя в дьяки певчие определю.

— Слушаюсь, батюшка! – отвечает Алёша послушно.

Пошёл он азы пения постигать, и снова ученье ему впрок пошло. Такой у поповского сынка голос крепкий оказался, что хоть три дня кряду псалмы выводить может – не устанет. Приняли юношу в певчие дьяки, на клирос поставили да петь велели. А в тот день как раз праздник церковный был, народу в храме собралось видимо-невидимо. Чуть затянули клирики многолетие, как Алёша так рявкнул, что с церковного свода штукатурка посыпалась. Понял отец, что и в дьяки певчие сын его не годится. Говорит тогда поп:

— Ну что ж, раз и петь ты, как другие, не можешь, придётся тебе иную работу искать, ибо негоже хлеб даром есть. С завтрашнего дня поступай-ка ко мне в батраки-землепашцы.

— Слушаюсь, батюшка! – отвечает Алёша кротко да послушно.

Запряг он наутро лошадку соловую, взял сошку кленовую и отправился на пашню. Вот ведёт он соху по полю, посвистывает и вдруг слышит: что-то в земле звякнуло. «Уж не клад ли?» – думает поповский сын. Остановил он кобылку да начал на том месте пашню раскапывать. Глубокою яму вырыл и достал из неё шлем железный. Стал дальше рыть и вытащил меч булатный – такой, что только богатырю впрок поднять. «Ух, ты! – обрадовался Алёша. – Надо дальше копать, а вдруг ещё что-нибудь найду?» Прорыл землю ещё на два локтя и нашёл доспехи ратные. Примерил добрый молодец ту амуницию, а она как влитая – и шлем как раз по голове пришёлся, и доспехи в самую пору оказались, и меч в руке лежит, словно поповский сын с ним родился. И решил тогда Алёша Попович, что не быть ему батраком-землепашцем у родного батюшки, не сидеть под крылышком у любимой матушки, а судьба его – служить великому князю Киевскому – Владимиру Красному Солнышку!

Бросил богатырь сошеньку на полосоньке, оседлал лошадку соловенькую и как был – в шлеме, доспехах да с мечом – поспешил домой к отцу с матерью. Бросился он родителям в ноги, начал их уговаривать:

— Родимые мои папенька и маменька! Добыл я себе из сырой земли-матушки доспехи богатырские да оружие, прились они мне впору по размеру и по силушке. Поклялся я Богу не снимать ту амуницию да не выпускать из рук меча булатного, пока не совершу подвиг для великого князя Киевского – Владимира Красного Солнышка! Отпустите же вы меня на службу богатырскую и дайте свое благословение родительское, навеки нерушимое!

Делать нечего: погоревали, посетовали отец с матерью да отпустили сынка своего в стольный град Киев. Оседлал Алёша Попович лошадушку соловую и отправился на подвиги: с татарвой басурманской сражаться, вырубать чудь белоглазую да сорочину долгополую.

Коротко ли долго, близко ли далёко, низко ли высоко – едет удалой богатырь молодой в столицу Русскую. Вот заприметил он золотые маковки церквей Киевских, остановился да любится. А навстречу ему идут люди хмурые, тяжкой думою озабоченные. Стал Алёша расспрашивать, что такое у них приключилось. Отвечает народ невесело:

— Настали Руси-матушке последние деньки: понаехало из-за дикого Поля войско грозного супостата Тугарина Змеевича, весь Киев заполонило. В палатах князя Владимира злодей потешается, ест-пьёт да всем распоряжается. И не может Красное Сол-

нышко против него слова молвить, потому как все его могучие богатыри уехали на службу княжескую, а те, что остались, не чета злему Тугарину, не могут они с ним силой меряться.

Пришпорил Алёша лошадку соловую да поскакал на княжеский двор. Привязал он кобылку к столбу приворотному и отправился прямо в гридницу. Как вошёл, так и ахнул: стоит стольный князь Владимир перед Тугарином Змеевичем, разными яствами его угощает, а сам слёзы льёт, сединами утирается. И княгиня его Апраксеевна злодею прислуживает – напитки подливает да платочком пот со лба утирает. А супостат сидит гора-горою, туча-тучею, глазищи у него с лукошко, усищи до пола. Держит он в руках чару в полтора ведра, одним глотком её выпивает да по целому караваю за щеку бросает, а потом глотает разом по две утицы да по курочке на закусочку.

Перекрестился поповский сын по-писанному, поклонился в пол хозяину да с такими словом к нему обратился:

— Князь Владимир наш стольно-киевский! Ты почто с кислой миной вокруг стола дубового шаги наматываешь? Почему на своё место не сядешь? Да и что это за невежа твой стул заняла? Уж не этого ли гостя незванного я проучить пришёл?

Как услышал Тугарин Змеевич такие речи, зарычал на Алёшу дерзкого, а потом выхватил из-за пояса кинжалище булатное да как запустит его в доброго молодца! Только больно уж ловок поповский сын оказался: схватил он тот нож да за кушак себе заткнул, а потом и говорит:

— Пригодится мне, супостат, твоё кинжалище, когда мы с тобой в честном бою сойдёмся. А здесь драться нам негоже: всех напугаем, все столы опрокинем. Поэтому зову я тебя в чистое поле, где есть место богатырям разгуляться да могучим руками размахнуться.

Слушают все присутствующие доброго молодца да диву даются: как это он не боится Тугарина Змеевича вызывать силами меряться? А лиходея из-за стола поднимается да злобной усмешкой ухмыляется:

— Ну что ж, пойдём, посмотрим на твою удаль молодецкую! Победил я на своём веку богатырей целую тысячу, а ты, стало быть, тысяча первым станешь. Как одолею тебя, уж не прогневайся – привяжу к хвосту своего скакуна да пущу по стольному граду Киеву, пусть любуются противником моим поверженным князь Владимир с княгиней Апраксеевной да весь честной народ.

Оседлал коня Тугарин Змеевич, взял в руку боевую палицу пудовую да поехал в чистое поле биться с богатырём русским. А добрый молодец уж его поджидает. Стал тогда супостат над Алёшенькой издеваться:

— Прежде, чем побью я тебя, человечешко, ты скажи мне, как тебя по имени звать

да по отчеству величать, чтобы знал я, кого за упокой поминать.

Отвечает ему богатырь голосом недрогнувшим:

— Знай, что зовут меня Алёшей, а по отчеству – Поповичем. Приехал я в стольный Киев из славного города Ростова, где живут мои батюшка с матушкой – люди честные, православные.

— Ну, так скоро получают они о тебе весточку-похороночку.

Поднял тут Тугарин Змеевич палицу пудовую, замахнулся на доброго молодца, только удар нанести хотел, как закричал богатырь громким голосом:

— Ах ты, обманщик! Обещал мне в чистом бое один на один честным боем биться, а сам за собой целое войско привёл!

Удивился супостат, оглянулся посмотреть – где же это рать его великая? А Алёше Поповичу только этого и надобно: подскочил он к злодею, замахнулся мечом булатным да снёс ему голову одним махом. А потом взял у Тугарина Змеевича шлем, доспехи и палицу, погрузил их на лошадушку свою соловую да поехал на княжеский двор. Как увидел князь амуницию злодейскую, подивился подвигу богатырскому – силе его да храбрости, хитрости да догадливости. Стал народ петь Алёше Поповичу песни хвалебные, а Владимир Красное Солнышко доброго молодца обнял и такую речь произнёс:

— Дал мне Бог дружину сильную, да послал я её на защиту земли Русской, на далёкие рубежи родины нашей, матушки. Понадеялся, что не придут к Киеву злые воюги. Только напал на нас Тугарин Змеевич, перебил всех богатырей младших да меня с княгиней пленил. Спасибо тебе, добрый молодец, за то, что злодея погубил и нас освободил. Оставайся же у меня на службе! Скоро вернутся из дальнего похода Илья Муромец да Добрыня Никитич – будешь их богатырским товарищем, третьим братом названным. Поклонился Алёша Попович князю Владимиру:

— За великую честь приму твоё предложение, буду честью служить тебе да правдою, от врагов охранять стольный Киев-град!

И зажил поповский сын при дворе княжеском припеваючи – в холе, воле да в почёте. Князь с княгиней за Алёшенькой ухаживают, словно дитя родное его лелеют. Добрые молодцы богатыря побаиваются, красные девицы им любят. И уж сколько прошло так времени, то никому неведомо, только настал тот день, когда вернулись из дальнего похода Илья Муромец да Добрыня Никитич. Покончили они со службой ратной: укротили сорочину долгополую, разгромили татарву басурманскую, одолели чудь белоглазую. Рассказал им князь Владимир про Алёшу Поповича: про силу его, храбрость да догадливость. Похвалили богатыри брата названного, обменялись с ним крестами да доспехами, а затем дал Илья Муромец Алёшеньке наставление:

— Видно, Бог тебя нам послал, братец названный! Сослужил ты службу славную кня-

зю Владимиру да княгине Апраксеевне: избавил землю Русскую от врага лютого! Только помни, что нельзя на одну лишь силушку надеяться, вся надежда наша – на Господа Бога! В правом деле Всевышний тебе силу пошлёт, и мощь твоя удвоится. А в неправом деле не даст и полсилушки, победит тебя даже малый ребёнок. И ещё запомни на веки вечные: не со всеми тягаться нужно одной лишь силою. Есть на Руси богатырь и сильнее нас, зовут его Микула Селянинович. Перед ним мы все словно немощные.

Поклонился Алёша Попович Илье Муромцу да Добрыне Никитичу, пообещал всем советам следовать. И с тех пор стали они втроем службу нести княжескую, охранять родную землю от злого ворога.

Проходили как-то мимо стольного града Киева люди-странники, богомольцы перехожие, вёл их всех седой старец. Путь тех каликов на Святую землю лежал – Гробу Господню помолиться да священным местам поклониться. Вот зашли они на княжеский двор, стали духовные песни петь, на дорожку милостыню просить. Зазвал странников князь Владимир в свой терем, за стол усадил, обласкал, накормил да щедро одарил. И был среди тех богомольцев один молодой красавец. Уж больно приглянулся он дочке княжеской, стала красная девица тайком княгиню Апраксеевну просить, чтобы она юношу того от странствия удержала. И пустилась тогда мать на хитрость: подложила молодому страннику в котомочку золотую чарку с княжеского стола, чтобы послать за ним погоню, вернуть его с пути-дороженьки да на дочке жениться заставить.

Вот отдохнули калики, князю с княгиней по глубокому поклону отвесили, подхватили свои котомочки да клюки-посохи, спели на прощанье песнь духовную и пустились дальше в путь на Святую землю. День идут, другой, а на третий за собой погоню услышали. Оглянулись, а прямо на них дружина княжеская мчится, от конского топота земля дрожит. Остановились странники, посохи в землю повтыкали, опёрлись на них – выжидают. Подскакали к ним богатыри, а впереди всех Алёша Попович. И повёл он речь, к седому старцу обращаясь:

— Хороши у тебя, дедушка, богомольцы перехожие! Заходили они на двор к князю Владимиру, хлеба-соли покушали да в запас с княжеского стола чарочку золотую прихватили. Это ты их так научил, старый шут?

— Непонятны мне речи твои бранные, – отвечает старец.

— Коли ты так понять не можешь, то я тебе по-иному растолкую. Послала нас княгиня Апраксеевна за вами в погоню, приказала обыскать, а того, у кого в котомке чарка золотая окажется, с собою в Киев забрать.

— Ну, так что ж? Исполниай волю княжескую! Вот тебе наши торбы – обыскивай!

Стал Алёша Попович все котомки перерывать и нашёл чарку в суме седого старца.

— Вот видишь, старый плут! Недаром я тебя заподозрил! – говорит богатырь гроз-

но. – Вяжите его, братцы, да везите в стольный град Киев!

— Погодите меня пленить, – отвечает старик, – я вам всю правду скажу. Приглянулся княжеской дочке вон тот добрый молодец, и подложила ему княгиня Апраксеевна золотую чарку в котомку, чтобы в Киев вернуть да силой на красной девице женить. А я всё это видел и подменил котомочки – свою суму юноше отдал, а его торбу себе взял.

— Да что ты околесицу несёшь?! – разгневался Алёша Попович. – Вяжите его, братцы!

— Я не лгу, а сущую правду, как перед Богом, говорю!

— Вот привезу тебя в Киев, там ты эту правду и попробуй рассказать самой княгине Апраксеевне!

Но только хотел Алёша Попович на старца руку наложить, как коснулся богомолец его своим посохом, и упал тут же богатырь на сырую землю, ослабел, словно малый ребёнок. Взял тогда странник чарку княжескую, вложил поповскому сыну за пазуху и сказал, обращаясь к дружине:

— Поднимите друга вашего, отвезите его в стольный Киев-град, к княгине Апраксеевне. Как вынет она чарку у богатыря из-за пазухи, сразу вернётся к нему сила прежняя.

А потом обернулся старец к Алёше Поповичу и говорит:

— Помни, что нарушил ты завет брата своего названного, Ильи Муромца – вступился в дело неправое, поднял руку на немощного. А любой старый да слабый под Божьей защитой находится.

Созвал седой старец каликов перехожих, разобрали они свои котомочки, вскинули их на плечи, перекрестились и пошли дальше путём-дороженькой. Идут мирно странники, на клюки опираются, назад не озираются, только песни поют духовные. И давно уж богомольцы те в синей дали скрылись, а дружинники князя Владимира стоят вокруг друга своего поверженного, словно немые, по сторонам озираются, от страха опомниться не могут. Наконец, кое-как добрые молодцы оправались, Алёшу Поповича с сырой земли подняли, к седлу привязали да повезли, словно ребёнка малого, к стольному граду Киеву.

А дочка с маменькой уж из терема высокого выглядывают, женишка поджидают. Как завидела красная девица дружину, закричала обрадованно:

— Смотри-ка, матушка, вон они едут, богомольца связанного везут!

А княгиня Апраксеевна словно что-то почувствовала:

— Уж и что бы это такое значило? Отчего они так медленно плетутся? Да и зачем им калика к седлу привязывать? Я им этого не приказывала...

Тут дружина к крыльцу подъехала, и увидели все, что это не странник, а Алёша По-

пович еле живой на коне лежит. Внесли его добрые молодцы в гридницу, говорят, как старик седой велел:

— Вот, княгиня-матушка, привёз тебе Алёшенька золотую чарочку. Изволь её сама у него из-за пазухи вынуть.

Как достала Апраксеевна ту чарку, сразу окреп Алёша Попович, вскочил бодро на ноги да повёл тяжёлый разговор:

— Не чаял я, княгинюшка, что мне тебя при всём честном народе корить придётся. Не думал я, что ты меня ложью в грех введёшь. Из-за твоего обмана наказал меня старец-богомolec, показал, каково это – вступаться в дело неправое, поднимать руку на слабого!

Застыдилась княгиня Апраксеевна, не посмела на укоры богатырские ответить. А Алёша Попович обернулся к князю Владимиру, поклонился ему в пояс да такие слова сказал:

— Владимир ты наш, Святославович, Красное солнышко – князь стольно-киевский! Благодарствую за твой хлеб да соль, только жить в твоём тереме не хочу боле. Вижу я подле тебя таких людей, которые поле сеют рожью, а речи свои красят ложью. Не могу я с ними одним воздухом дышать, за одним столом сидеть. Дозволь мне по земле Святорусской поездить, посмотреть, как простые люди живут. Где что увижу, расскажу тебе без утайки.

— Хорошо, удалой добрый молодец! – отвечает ему Владимир-князь. – Поезжай по Руси-матушке, посмотри на народ православный.

Перед выездом пришёл Алёша Попович к братьям своим названным попрощаться. Подарили ему Илья Муромец с Добрыней Никитичем седло черкесское, кольчугу булатную да топор боевой размашистый. А ещё дали щит червлёный, копьё крепкое да тугой лук с полным стрел колчаном узорчатым. И в каждую ту стрелочку было вставлено по самоцветному камешку, чтобы легче их было в поле искать да в колчан собирать. Говорят богатыри брату младшему своему в напутствие:

— Поезжай, Алёшенька, с Богом! Очищай от разбойников дороги русские, береги вдов да сирот, защищай слабых от сильных. А если услышишь, что идут на Русь-матушку враги неверные, присылай нам скорее весточку, чтобы могли мы на помощь тебе поспешить.

С тем и поехал Алёша Попович прочь из Киева. Скакал он лесами дремучими да болотами зыбучими, реками широкими да горами высокими, степями пустыми раздольными да лугами широкими привольными. Ночевал под деревьями, наутро вставал, лицом на восток к солнцу красному становился, Богу молился, потом в путь спешил. Гонялся он за зверями рысучими, за птицами летучими, добывал себе пропитание.

Ехал он от села к селу, от города к городу. И всегда был грозой разбойникам, защищал слабого от сильного, не давал вдов да сирот в обиду. Везде выполнял заветы братьев своих названных – Ильи Муромца да Добрыни Никитича.

Вот ехал однажды Алёша Попович по широкому полю и заметил вдали землепашца. Поскакал богатырь к тому пахарю, чтобы расспросить, как на дорогу проезжую выбраться. Ехал он, ехал, еле к вечеру доехал. Видит: пашет мужик сырую землю-матушку, лошадку свою понукивает, берёзовой веточкой от слепней её обмахивает, пашню взрытую потом поливает. Только и слышно, как о сошеньку камешки кремневые позвякивают да скрипят оглобли кленовые. И работает пахарь без устали, из конца в конец поля борозды прокладывает, кое-где соху встряхнёт да опять по комьям за кобылкой идёт. Как заметил мужик Алёшу Поповича, остановился посреди пашни, посмотрел пристально да спрашивает:

— Что тебе, добрый молодец, надобно?

— Сбился я в ваших полях с дороги проезжей, – богатырь ему отвечает. – Подскажи мне, братец, как отсюда выбраться.

— Скачи туда, где пашет мой средний брат. Он тебе дорогу и укажет.

А потом отвернулся мужик, на лошадку свою прикрикнул да опять пошёл поле охаживать, бороздами землю взрывать да потом солёным пашню покрывать.

Отправился Алёша Попович туда, куда пахарь указал. Весь вечер скакал, утомился, посреди поля заночевал, а наутро опять путь свой продолжил. Весь день ехал, еле-еле к вечеру до другого землепашца добрался.

— Бог в помощь, добрый человек! – говорит богатырь пахарю.

— И тебе не хворать! – отвечает мужик. – Что тебе, добрый молодец, надобно?

— Да вот, сбился я в ваших полях с дороги проезжей. Младший брат твой меня к тебе послал, чтобы ты мне путь указал.

— Скачи дальше, за лес, где пашет наш старший брат. Он тебе и подскажет, как отсюда выбраться.

— А как звать вашего братца старшего?

— Зовут его Микулой Селяниновичем.

Отвернулся мужик, на лошадку свою прикрикнул да пошёл поле огромное охаживать, бороздами землю взрывать да потом солёным пашню покрывать. Вспомнил тогда Алёша Попович слова братьев своих названных Ильи Муромца да Добрыни Никитича: «Не со всеми тягаться нужно одной лишь силою. Есть на Руси богатырь и сильнее нас, зовут его Микула Селянинович. Перед ним мы все словно немощные». Обрадовался тогда добрый молодец, что доведётся ему с таким силачом невиданным встретиться.

И опять Алёша Попович весь вечер скакал, утомился, в лесу заночевал, а наутро снова путь свой продолжил. Весь день ехал, еле-еле к вечеру до третьего пахаря добрался. Видит: идёт мужик по полю, лошадку свою понукивает, что есть мочи на соху налегает, взрытые борозды потом солёным поливает. Посмотрел на него Алёша Попович и думает: «Что же это братцы названные меня обманули? Видать, посмеяться надо мной хотели? Неужели этот мужик сильнее их? Да я этого пахаря одной рукой уложу!»

Заприметил землепашец доброго молодца, осадил свою лошадку, соху отряхнул, на борозде оставил, а потом к Алёшеньке подошёл, шапочку свою поправил, ладони мозолистые размял да говорит:

— Здравствуй, добрый человек! Зачем ко мне пожаловал?

— Бог в помощь, пахарь-работничек! – богатырь ему отвечает. – Скажи, как тебя по имени звать, по отчеству величать?

— Зовут меня по-простому, без хитрости – Микулой Селяниновичем. Пашу я здесь Божью ниву с утра до ночи, и в этом моё предназначение.

— А скажи-ка мне, Микула Селянинович, правду ли в народе сказывают о твоей могучей силе да крепости? Говорили мне братья названные, будто они против тебя, словно немощные, и тягаться с тобой ну никак не могут. А я вот смотрю на тебя да думаю: где в тебе сила могучая? Надсмеялись, видать, надо мной Илья Муромец с Добрыней Никитичем, наговорили небывальщины.

— Нет, обо мне твои братья правду молвили. Одарил меня Бог силой великою, указал на труд праведный, чтобы было куда ту силу тратить. Повелел мне Господь пахать землю-кормилицу, добывать из неё хлеб насущный для всего мира православного.

— Это что же за труд – землю пахать, за сохою ходить да лошадь понукать? – удивился Алёша Попович. – Зачем же на это силу великую тратить? Такая работа всякому мужику под силу!

— Вижу я, добрый молодец, что ты не только младёшенек, но и глупёшенек. Ничего-то ты в житейских делах не смыслишь... Всё бы тебе только биться да сражаться, силушку свою богатырскую испытывать. А ты вот пойдя, попробуй нашей работушкой заняться!

— Эка велика важность! Да запросто!

Слез Алёша Попович с коня богатырского, скинул с себя доспехи ратные, положил на землю оружие, подошёл к сохе, ухватил её руками могучими да хотел было встряхнуть, как Микула Селянинович. Только не тут-то было: даже из борозды сошеньку вынуть не смог. Тащит он её, тащит, а ничего не выходит. Видно, недаром братья названные говорили: не всякому под силу работа мужицкая. Подошёл тогда богатырь к пахарю, снял с головы своей буйной шапочку, поклонился в ноги крестьянину:

— Вижу я, Микула Селянинович, что нет никого на земле Русской тебя сильнее. Значит, и есть ты наш самый могучий брат.

— Так-то верно, добрый молодец, – говорит землепашец с усмешкою. – Понял теперь, какова она – наша соха-кормилица? Потяжелее, небось, будет, чем твоя сбруя ратная, меч-кладенец да палица булатная? Помни же, богатырь удалой, что ничего на свете важнее нашего дела нет: землю пахать, за сохою ходить, пашню засеять, а потом ниву поливать. Пока я соху не брошу, будешь и ты сыт, и весь мир православный! Ступай же своею дорогою, исполняй службу ратную, защищай землю Русскую от злых ворогов! Кажись, ты дорогу искал проезжую? Да вот она, там, вдали, сразу за пашнею.

Сказал эти слова пахарь да снова за соху свою взялся, прикрикнул на лошадку и пошёл пахать землю-матушку. А Алёша Попович надел на себя сбрую ратную, в пояс крестьянину поклонился, оседлал коня да поскакал на заставу рубежную. И стоит он там уж не первый год, охраняет родную Русь от недругов: бьётся со злыми басурманами, сокрушает чужь белоглазую с сорочиной долгополой. Сражается богатырь да про великий мужицкий труд не забывает, Микулу Селяниновича и других землепашцев добрым словом поминает, ведь на крестьянских плечах вся земля-матушка держится!